

Ольга Головина

18+

Меч в ножнах

Ольга Головина

Меч в ножнах

«Автор»

2026

Головина О.

Меч в ножнах / О. Головина — «Автор», 2026

Павел Нотман не выходит из дома. Его тело давно отказало, но душа пишет книги, которые читает вся страна. Его последнее желание, Италия. После неё он планирует поставить точку. Маша Берестова живёт в мире, где всё измеряется деньгами. Она рисует миры, которых никто не видит, и читает книги Нотмана, как дыхание. Однажды она пишет ему отзыв и неожиданно получает ответ. Между ними начинается переписка, полная тепла и страха. Он боится, что она отвернётся, увидев его. Она не знает, что о его финальных планах. Италия. Милан, Венеция, Флоренция, вулкан Стромболи. Четыре недели, которые изменяют всё. Эта история не о том, как спасти тело. Она о том, как спасти душу. И о том, что иногда чудо приходит в самом неожиданном обличье. «Меч в ножнах» роман о любви, которой не должно было случиться.

© Головина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава	11
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	33
Г	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ольга Головина

Меч в ножнах

Глава 1

В шесть часов мартовским утром в загородном доме Берестовых было тихо. Это была та особенная тишина, которая рождается лишь в больших домах, где живут двое людей, давно привыкших друг к другу и уже не испытывающих необходимости заполнять каждую паузу словами.

Зима отступила быстро, словно потеряла интерес к происходящему, но весна ещё не пришла. Небо висело низко, тяжёлое, серое.

Алексей Викторович Берестов сидел в глубоком кресле спиной к окну. Он не любил ни март, ни ноябрь. Считал эти месяцы временем, лишённым жизни, когда природа будто переставала дышать. В такие дни он редко выходил в сад и почти не подходил к окнам. Хотя в другое время года каждое утро начинал с пробежки по тихим улицам коттеджного посёлка, а с первыми тёплыми днями неизменно завтракал и ужинал на террасе.

Камин негромко потрескивал. Берестов сам разжёг его, несмотря на то что в просторной гостиной не было холодно. Просто сегодня ему вдруг понадобился живой огонь. Или... возможно, что-то живое вообще.

В руках он держал несколько распечатанных листов. Результаты обследования пришли на электронную почту ранним утром. Его взгляд снова остановился на одной строке.

Диагноз. Панкреатическая аденокарцинома. IV стадия. Метастазы в печени и лёгких.

Он перечитал заключение трижды. Потом ещё раз. Ничего не изменилось. И внутри тоже ничего не дрогнуло.

В пятьдесят семь лет Берестов оставался человеком крепким и энергичным. Последние месяцы его беспокоила тупая, тянущая боль сначала где-то глубоко в животе, потом всё чаще отдававшая в спину, особенно когда он наклонялся. Но ничего серьёзнее гастрита или обычного расстройства желудка он даже не предполагал.

Он всегда следил за собой. Средиземноморская кухня, ничего жирного. Регулярные тренировки и в принципе подвижный образ жизни. Полный отказ от курения. Минимум алкоголя. Витамины, дорогие импортные БАДы, ежегодные обследования в своей частной клинике.

Берестов поднял взгляд на огонь и долго сидел неподвижно.

Седина густо прошла по тёмным волосам, но не сделала его мягче. Красивое, жёсткое лицо с короткой серебристой щетиной и глубокими морщинами, оставленными привычкой принимать решения, сегодня казалось осунувшимся.

Он никогда не паниковал, просто разучился это делать. За тридцать лет во главе холдинга «Империя Капитал», где работали больше пяти тысяч человек по всей стране, он усвоил простую истину: паника не помогает принимать решения. Она лишь мешает тем, кто отвечает не только за себя. А ещё считал, что паника – это слабость. А слабость он не позволял себе никогда. Даже сейчас. Даже когда чёрные буквы на белой бумаге складывались в слова, которые он не хотел читать.

Он построил свою компанию почти с нуля, плотно контролировал бизнес. Строил свою финансовую империю, скупая региональные банки и страховые компании, заходил в смежные сферы, а затем выводил бизнес на международные биржи. Он не просто управлял холдингом, а создавал структуру, крепкую, работающую и всегда играл в долгую, просчитывая каждый свой шаг. Любое решение принимал так, словно уже жил в будущем.

Бизнес для него никогда не был работой, скорее смыслом жизни и способом мыслить. Он не представлял себя вне бизнеса. Работа никогда не заканчивалась. Телефон звонил поздно ночью, совещания переносились на выходные, переговоры продолжались в аэропортах, машинах, ресторанах. Но его это не утомляло. Наоборот. Пока другие мечтали об отпуске, он испытывал почти физическое удовольствие от ощущения, что процессы протекают именно так, как он задумал.

Иногда ему казалось, что жизнь проходит где-то рядом. Он не мог с уверенностью сказать, когда именно выросла дочь. Хотя плохим отцом себя не считал. Он всегда знал, чем живёт Мария. Оплачивал её учёбу, спорт, поездки, поддерживал любые разумные увлечения. Никогда не устраивал допросов и не проверял счета. И прекрасно понимал: дочь никогда не станет выпрашивать деньги хитростью или играть на чувствах.

Когда-то он сказал ей:

– Если тебе нужны деньги, не ластись, как кошка. Не изображай любовь и преданность. Просто подойди и скажи, сколько тебе нужно и зачем. Я откажу только в одном случае – если ты соврёшь.

Марии тогда было лет четырнадцать. С тех пор этот разговор больше никогда не повторялся, не было необходимости. А вот про дни рождения Берестов не помнил никогда. Ни про свой, ни про дочь, жену, друзей. Практически любые праздники существовали для него только потому, что о них напоминала жена. Сам он праздники не любил. Они казались ему странной человеческой привычкой делать вид, будто календарная дата важнее любого другого дня. Да и подарки всегда ставили его в тупик. Их куда-то перераспределяла Оксана. Часто, он даже просто не распаковывал содержимое. Всё, что ему действительно было нужно, он давно мог купить сам. Впрочем...

Одно исключение всё-таки существовало.

На прикроватной тумбе уже много лет стоял маленький кривой дракончик, слепленный Машей из глины на каком-то детском мастер-классе. Размером со спичечный коробок. Нелепый. Перекошенный. Раскрашенный сразу во все цвета радуги. Это был точно подарок на его день рождения, только он не помнил, какой. Каждое утро Берестов молча тыкал дракончика пальцем в нос. Если тот не падал, день обещал быть удачным. Никто, кроме него, об этом ритуале не знал.

Алексей Викторович медленно опустил листы с анализами, и вдруг память ударила так резко, что он даже прикрыл глаза. Точно такие же листы, март три года назад, такой же чёртов диагноз. Только тогда в верхней строке стояло имя Оксаны. Он почти забыл тот день. Но сейчас увидел всё так отчётливо, будто это произошло несколько минут назад.

Жена вошла в кабинет. Молча положила перед ним результаты обследования, одной рукой закрывая рот. Она уже знала. Он тогда поднял глаза всего на несколько секунд.

– Ну, что?

Она ничего не ответила. Только кивнула на бумаги. Он быстро пробежал глазами заключение.

Рак.

И почти сразу подумал совсем не о смерти.

«Вылечат».

Именно это было его первой мыслью. Его ничего не встревожило тогда. Почему нет?

К тому времени холдингу уже принадлежала одна из лучших частных клиник страны. Её когда-то купили как перспективный актив, но со временем она стала одним из самых успешных медицинских проектов группы. Лучшие специалисты, современное оборудование, персональный врач для каждой семьи, обследования прямо на дому. А если потребуется поедет в Германию или Израиль.

Берестов был далёк от медицины. Он привык считать, что любой вопрос можно решить, если подобрать правильных специалистов и не экономить на результате. Возможно поэтому, а не из безразличия, тогда болезнь жены показалась ему не трагедией. Всего лишь ещё одной сложной задачей.

Алексей Викторович не был особенно близок с женой последние годы. Они жили рядом, в одном доме, спали в одной постели, но скорее по привычке, чем по внутренней необходимости. Оксана занималась домом, он бизнесом. Работа давно заняла всё пространство его жизни, вытеснив почти всё остальное. День был расписан по минутам, встречи сменяли друг друга, телефон не замолкал ни на час.

Жена никогда не жаловалась. Во всяком случае, вслух. Он замечал, как она постепенно бледнела, худела, всё реже улыбалась. Замечал... и всякий раз откладывал разговор на потом. Казалось, сначала нужно закончить сделку, провести совет директоров, подписать документы. Потом обязательно найдётся время. Не находилось.

Когда диагноз подтвердился, Берестов взял ситуацию под полный контроль. Он лично участвовал в медицинских консилиумах, разговаривал с врачами, принимал решения о лечении, искал лучших специалистов. Уже через месяц понял: всё идёт не так. Улучшения не было. Болезнь развивалась стремительно. Поездка в Германию тоже ничего не изменила. Немецкие врачи лишь подтвердили то, что осторожно говорили российские коллеги.

Оксана вернулась домой совсем другой. Стала тихой, почти незаметной. Потом перебралась из их спальни в гостевую. Потом перестала вставать. А потом были похороны.

Алексей Викторович посмотрел на свои руки. Те самые руки, которые подписывали многомиллиардные сделки, покупали банки, создавали холдинг, ломали чужие планы и выстраивали собственные. И этими же руками он потом держал холодные пальцы жены. Странно, но тогда он почти ничего не чувствовал, кроме глухой досады. Не боли. Не отчаяния. Именно досады. Как так получилось? Как вообще такое могло случиться с их уровнем жизни, их возможностями, их деньгами? Он слишком долго жил с убеждением, что любую проблему можно решить, если заплатить достаточно дорого.

Дом опустел. Теперь здесь жили только он и Маша. Берестов положил бумаги на столик и машинально сжал пальцы.

«Война за жизнь началась. Или... скорее, за её продолжительность».

Он не знал, возможна ли победа, но отступать не умел никогда. За окном стало заметно светлее и вдруг пришла простая мысль, почти бытовая, но почему-то ударившая сильнее самого диагноза.

«Скоро весна окончательно вступит в свои права. Потом будет лето. Потом осень. Потом снова зима. Всё повторится, как повторялось всегда. Только в какой-то момент его уже не будет».

Впервые за всё утро он по-настоящему подумал о дочери. О том, что с ней станет, когда она останется одна.

Маше недавно исполнилось двадцать три. Год назад она окончила МГИМО, международные отношения, выбор, который когда-то сделал за неё он. Берестов был убеждён, что дочь должна получить серьёзное образование, открывающее широкие возможности. Сам он в прошлом успел побывать в кресле министра, сохранил множество связей и без особого труда мог устроить её в посольство, министерство или любую крупную государственную структуру.

Но после окончания института Маша неожиданно заявила, что всё это ей неинтересно. Она увлеклась компьютерным дизайном и на все вопросы родителей неизменно отвечала, что хочет «понять мир», а не «работать в системе», потому что ещё не нашла себя.

Берестов всегда болезненно относился к подобным поворотам. Он резко высказался, назвав поведение дочери безответственным и инфантильным.

Его вообще раздражало всё, что казалось поверхностным. Бесконечные рилсы в телефоне, разговоры ни о чём, ночные клубы, споры ради самих споров. В какой-то момент он поймал себя на неприятной мысли, что Маша выросла красивой, доброй... но совершенно несерьёзной. Сначала он связывал с дочерью большие надежды, потом постепенно отказался от них. Это расстраивало.

Впрочем, он тут же одёрнул себя. У многих знакомых дети оказались куда хуже. Одни спивались, другие подсаживались на наркотики, третьи бездумно прожигали родительские деньги. Маша хотя бы окончила университет, никогда не выпрашивала лишнего и не попадала в скандальные истории.

И всё же с возрастом Берестов всё чаще ловил себя на мысли, что ему не хватает сына. Наследника. Человека, которому однажды можно будет передать дело всей своей жизни.

Алексей Викторович впервые за утро глубоко вдохнул.

«И внуков я тоже, пожалуй, не увижу... Не успею».

Он не мог бы сказать, что Машка пустоголовая или отличается особенно сложным характером. Упрямая, да. Знания в её голове были. Берестов только не понимал, какого колёсика не хватает в этом механизме, чтобы он наконец заработал, а не просто красиво поблёскивал.

Впрочем, договариваться ему с дочерью было несложно. Берестов знал, что она привязана к нему. И очень хотелось верить, что эта привязанность объяснялась не только тем, что он полностью обеспечивал её жизнь.

Маша любила путешествия, как и он. Сначала они ездили всей семьёй, а после смерти Оксаны путешествовали уже вдвоём. За несколько лет объехали почти всю Европу, не раз были в Южной и Северной Америке. Для Маши эти поездки были важны ещё и потому, что она искренне интересовалась другими странами, людьми, культурой. Она умела замечать то, мимо чего он проходил, и иногда Берестов ловил себя на мысли, что начинает смотреть на мир её глазами.

А вот то, что дочь совершенно не интересовалась его империей, тревожило всерьёз. Для неё всё это было чужим, холодным, почти бездушным миром цифр, переговоров и бесконечной борьбы за влияние. Она не хотела в него входить. И как изменить это, Берестов не понимал.

Он перевёл взгляд на несколько распечаток, лежавших на журнальном столике. Машины рисунки к любимым книгам, написанным в жанре фэнтези. Она увлеклась ими несколько лет назад и постепенно затянула его. Сначала он только отмахивался.

– Сказки для взрослых, Маша. Несерьёзно.

Она тогда рассмеялась.

– Пап, ты не понимаешь. Ты живёшь в постоянном напряжении. Твои решения стоят миллионы, ошибки измеряются какими-то невероятными цифрами. Риски, юридические ловушки, чужие амбиции...

– Оказывается, ты неплохо представляешь, чем я занимаюсь.

– Поэтому и говорю. Позволь себе хоть иногда роскошь оказаться там, где не всё можно просчитать. Хорошее фэнтези говорит о власти честнее многих книг по управлению. Там власть – это не деньги и не связи. Это всегда ответственность. Иногда одиночество. Иногда выбор, который невозможно сделать правильно.

Берестов тогда усмехнулся.

– Мне бы хотелось, чтобы было наоборот. Не я уходил в мир фантазий, а ты, наконец, пришла в мир реальности.

Но однажды, когда они ехали по Италии и он, устав после долгой дороги, почти засыпал за рулём, Маша без спроса включила аудиокнигу своего любимого автора Павла Нотмана.

И неожиданно Берестов заслушался. Его удивило всё. Лёгкий язык, тонкий юмор, внимание к деталям, мысли, которые возникали словно между строк, и сюжет, постоянно уходящий туда, куда он совершенно не ожидал.

Потом он купил ещё одну книгу Нотмана и ещё. В итоге, перечитал всё. Правда, как и в бизнесе, быстро понял, что настоящих мастеров немного. Один-два автора. Остальные чаще всего лишь повторяли удачные находки друг друга. Такие книги Алексей Викторович откладывал после первой главы, а иногда и после первых страниц.

Почему он вспоминал об этом именно сейчас? Наверное, пытался хоть ненадолго уйти мыслями от того, что лежало перед ним на журнальном столике. В затылке появилась тупая тяжесть. Берестов машинально потёр шею ладонью, взял один из Машиных рисунков и долго рассматривал его. Она действительно хорошо рисовала. Очень хорошо. Иллюстрацию хотелось изучать, возвращаться к ней взглядом, замечая всё новые детали. Но... Не сегодня. Сегодня нужно было дожидаться начала рабочего дня и начать действовать.

Маша ещё спала. Рассказывать ей о болезни он не планировал. Алексей Викторович Берестов медленно сложил листы в синий пластиковый файл и аккуратно застегнул его. Он не собирался проигрывать. Просто впервые за пятьдесят семь лет не понимал правил игры. Противник оказался невидим. Его нельзя было купить, запугать, перестроить под себя, заставить играть по своим правилам.

«Я готов».

Мысль прозвучала неожиданно спокойно и почти сразу вслед за ней появилась другая.

Глава

«Но не знаю как».

Глава 2

Они прощались у выхода из фитнес-клуба, стоя в огромном стеклянном холле.

– Я не понял, так ты пойдёшь сегодня на ночные гонки после клуба?

– Не хотела. Ты же знаешь, я скорость не люблю. И потом... после клуба? Под алкоголем? Ты вообще представляешь, что говоришь?

– Так это самый кайф! Удержать машину.

– Нет. Я точно не поеду. И очень прошу тебя – не участвуй. Ты ведь не хочешь провести жизнь прикованным к постели?

– Сплюнь.

– Даже если бы так случилось, жизнь бы не закончилась. Но лучше всё-таки остановиться раньше.

– Так! Только тоску не наводи. Тогда Светку возьму. Мне нужен драйвовый штурман.

– Бери кого хочешь. Но это странно, тебе не кажется? Я твоя девушка, а ты спокойно говоришь, что поедешь ночью с другой.

– Так ты же сама не хочешь. Ревнуешь? – Сергей обхватил её за талию и крепко прижал к себе. – Не дуйся. Просто мне всегда хочется, чтобы было громче. Ты слишком правильная.

– Пусти. Мне неприятно.

– Да где?

Она попыталась отвернуться, но он ловил её лицо своим, не давая уклониться.

– Пусти, я сказала.

– А что будет, если не пушу? – прищурился Сергей и резко просунул ладонь под ремень её джинсов, ещё сильнее притягивая к себе.

Она чувствовала его горячее дыхание, слышала частое биение сердца. Обычно подобная настойчивость даже нравилась ей. Но сегодня всё было иначе. В какой-то момент Маша вдруг подумала, что Сергей опять пытается доказать самому себе, будто ничего не боится. Ни скорости. Ни риска. Ни чужого отказа. Будто вся его жизнь зависела от этого бесконечного ощущения адреналина.

Она подняла глаза и посмотрела на него прямо. Не отводя взгляда. Она умела. Так делал отец, когда был недоволен. Секунда. Другая. И хватка ослабла, Сергей разжал руки.

– Нет, значит нет, – сказал он, разводя ладони в стороны. – Тогда на сегодня всё. Но ты меня разозлила. Знай это.

– Чем же?

– Своим поведением.

Мария схватила телефон и набрала его номер. Длинные гудки. Никто не отвечал. Сердце неприятно сжалось. Перед глазами мгновенно вспыхнула вчерашняя сцена, разговор о гонках, бокал вина, ночная трасса. Наконец в трубке послышался сонный голос.

– Что?

– Ты жив... Слава Богу.

– Слушай, на хер в такую рань звонить? Я только спать лёг.

Мария вспыхнула от злости.

– Идиот! Я беспокоилась.

– Не смей со мной так разговаривать.

– Да я, пожалуй, вообще никак с тобой разговаривать не буду, – тихо ответила Мария и отключила телефон.

Она отключила телефон и уставилась в потолок. На глаза навернулись слёзы от обиды. Маша знала, что не успокоится сразу. Будет ещё долго прокручивать разговор, вспоминая каждую реплику, каждую интонацию и каждый свой ответ, придумывая десятки других, более точных.

Нужно было переключиться.

Она зашла в душ, потом надела свою счастливую лавандовую футболку. Именно мама когда-то сказала, что этот цвет ей особенно к лицу. Натянула белые шорты и снова забралась в постель.

«Если человек совершает идиотские поступки, то он кто?» – упрямо продолжал внутренний голос. – *Идиот. Кстати...*»

Маша быстро открыла словарь.

«Может быть, я вообще неправильно понимаю это слово?»

Через несколько секунд она удовлетворённо кивнула.

«Нет. Всё правильно. Глупый. Потому что умный человек такие поступки не совершает».

Она усмехнулась. Спорить с собой было бесполезно.

Друзья считали её душой компании. Она легко смеялась, умела поддержать разговор, быстро знакомилась с людьми. Но никто из них не знал, что уже через час ей начинало отчаянно хотеться домой. Не потому, что люди были плохими. Просто ей становилось тесно среди постоянных голосов, музыки, смеха. Она выходила на балкон, смотрела сверху на город и думала только об одном:

«Сколько ещё?»

Потом возвращалась обратно, снова улыбалась, снова шутила и никто ничего не замечал. Зато дома она могла просто молча сидеть у окна с чашкой кофе, смотреть, как медленно меняется свет за стеклом, и чувствовать, что внутри постепенно становится спокойно.

Она открыла ЛитРес, привычно перешла на страницу Павла Нотмана и буквально замерла.

Новая книга. Две главы в черновиках. От недавнего разговора с Сергеем не осталось почти ничего. Настроение по её внутренней шкале мгновенно подпрыгнуло с двух баллов до десяти.

– Пап! – вырвалось у неё. – Пап! Ты дома?

Она высунулась из комнаты.

– Пап?!

– Уже почти нет.

Маша выбежала в холл как раз в тот момент, когда отец надевал кашемировое пальто. Она обняла его, быстро поцеловала в щёку. Он пах так же, как всегда. Свежесваренным кофе и своим любимым одеколоном с древесно-пряными нотками. Этот запах был её детством.

– Нотман начал новую книгу! Две главы уже выложил!

Отец улыбнулся. Коротко, почти незаметно, но совершенно искренне.

– Значит, вечером обменяемся впечатлениями. Всё, я ушёл. Буду не раньше восьми. У меня сегодня...

Он осёкся. На секунду вспомнил о дополнительных обследованиях, которые сам назначил себе этим утром.

– Что?

– Да ничего. Работы много.

– Ты даже не поинтересовался, как я, – сказала Маша, смешно надув губы.

Она, конечно, шутила. Берестов посмотрел на неё с едва заметной улыбкой.

– Так ты сама уже всё рассказала. Ты счастлива. У тебя Нотман.

Маша рассмеялась.

– Всё, иди уже. Я сегодня дома на удалёнке эскизы делаю. Вечером жду.

Маша любила отца. Хотя в детстве немного его побаивалась. Она часто стояла в дверях кабинета и наблюдала, как он работает. Ей почему-то казалось, что любой неосторожный звук заставит его поднять глаза и строго посмотреть на неё. Она боялась именно этого взгляда.

Но чем старше становилась, тем интереснее ей было разговаривать с ним. Отец казался непоколебимым. Надёжным, как скала. Человеком, который знает ответы почти на все вопросы. Решений своих он почти никогда не менял, но всегда внимательно выслушивал чужие доводы и, что особенно поражало Машу, почти мгновенно видел несколько вариантов развития событий. Она часто специально приходила к нему со своими мыслями, даже не за советом, а чтобы проверить их на прочность. После разговора с отцом собственные идеи словно очищались от всего лишнего.

Путешествовать с ним она любила особенно.

В поездках отец удивительным образом менялся. Исчезала привычная жёсткость, оставалась только дисциплина. Он с одинаковым интересом мог рассматривать древнюю мостовую, устройство старого маяка или меню в маленькой семейной трактирии, если замечал в нём что-то необычное.

Именно от него Маша переняла простое правило: если встретилось что-то интересное, не ограничивайся услышанным, докопайся до сути. Неважно, идёт ли речь об истории пиццы «Маргарита», древнеримских дорогах или устройстве средневековых крепостей.

Особенно ярко ей запомнился один день в Париже. Они несколько часов бродили по Лувру. К тому моменту Маша устала настолько, что перестала различать картины. Они сливались в одно огромное полотно.

Отец вдруг сказал:

– Пойдём.

Она сразу расстроилась. До залов Наполеона они так и не дошли, а именно их она больше всего хотела увидеть. Но спорить не стала. Они вышли на улицу, и Маша решила, что экскурсия закончилась. Однако вместо машины отец неожиданно свернул в маленькое кафе напротив музея. Когда перед ними поставили кофе и горячие круассаны, он спокойно сказал:

– Любая информация перестает усваиваться часа через три. Всё остальное человек просто перестает замечать. Не переживай. Мы ещё не закончили, – и подмигнул.

После смерти мамы ей было очень плохо. Она закрывалась у себя в комнате, забираясь с ногами на кровать и плакала без конца. Пересматривала фотографии, почти все мамины вещи постепенно перекочевали к ней в шкаф. Иногда она просто перебирала их, не понимая, зачем это делает. Ей казалось, что пока вещи рядом, мама ещё немного остаётся дома.

Дом действительно изменился. Из него словно исчезло что-то невидимое, отчего даже привычная тишина стала другой. В последние дни мама почти не разговаривала. Маша каждый вечер садилась рядом, брала её за руку и часами читала вслух любимые романы. Даже когда мама засыпала, она продолжала читать. Уйти раньше просто не могла.

Отец, казалось, пережил смерть мамы совсем иначе. Она ни разу не видела, чтобы он плакал. Не слышала, чтобы жаловался. Он словно стал ещё собраннее и спокойнее. И только теперь, спустя три года, Маша иногда думала, что, возможно, именно так он и горевал. По-своему.

Она знала, что отец до сих пор не может смириться с её отношением к своему бизнесу и считает, что годы, проведённые в институте, она почти перечеркнула собственными руками, но ничего не могла с собой поделать.

Всё, что было связано с дипломатией, чиновниками, переговорами, должностями, казалось ей чужой жизнью. Словно она должна была прожить её вместо кого-то другого. И только когда начала изучать компьютерный дизайн неожиданно почувствовала то самое состояние, которое люди называют вдохновением.

Ей нравилось придумывать миры, которых никто никогда не видел. Создавать кнопки, которые хочется нажимать. Шрифты, которые хочется читать. Иконки, попадающие точно в цель. Она называла это «архитектурой в воздухе».

Нравилось и другое. Результат появлялся почти сразу. Придумала и через час уже можно посмотреть, получилось или нет. Если не получилось, переделать. Не откладывая. Не уговаривая себя, что завтра выйдет лучше. Дизайн не позволял скучать. Каждая новая задача была похожа на головоломку, которую обязательно хотелось решить.

Она не умела писать так, чтобы люди плакали над её текстами. Зато умела говорить с ними языком цвета, света и формы. И была уверена, что этот язык понимают даже те, кто никогда не сможет объяснить, почему один сайт хочется листать бесконечно, а другой закрывается через пять секунд. Героев книг она никогда не начинала рисовать с лиц. Сначала рождалось пространство, потом свет, потом появлялись руки. После движение тела. И только в самом конце лицо.

Ей казалось, что человек становится похожим на себя задолго до того, как можно рассмотреть его глаза. Да и в жизни она почему-то всегда сначала смотрела именно на руки. На то, как человек держит чашку, как здоровается, жестикулирует. Как замирает, когда волнуется, сжимает пальцы, когда сердится. Руки почти никогда не умели притворяться.

Маша сварила кофе и с удовольствием вдохнула аромат. Мама всегда говорила, что хороший кофе должен пахнуть раньше, чем появится вкус. Проходя мимо спальни отца, она привычно заглянула внутрь. Кровать уже была аккуратно застелена. На тумбе, чуть набекрень, стоял смешной разноцветный дракончик, которого она когда-то слепила из глины. Маша улыбнулась. Осторожно поставила фигурку ровнее и смахнула с неё невидимую пылинку.

Она никогда не понимала, почему отец, человек, не терпящий ничего лишнего, столько лет хранит этого кривого дракона рядом с кроватью, но почему-то ей было приятно, что хранит.

Вернувшись к себе, Маша открыла ноутбук и сразу зашла на страницу новой книги Павла Нотмана.

«Боже... сколько уже комментариев! Когда они успели всё прочитать? Он же выложил главы всего пару часов назад...»

Она тут же прокрутила страницу вниз, стараясь не зацепиться взглядом за чужие отзывы. Спойлеры она ненавидела. О книгах Нотмана ей хотелось составлять собственное мнение. Она обожала его миры и героев. Сначала рисовала их, потом появились ключевые сцены и, наконец, полноценные иллюстрации.

Однажды кто-то из друзей сказал, что автор наверняка был бы в восторге от её работ. С тех пор мысль отправить рисунки самому Нотману не отпускала её. Не ради денег и даже не ради подписи под иллюстрациями. Ей просто хотелось, чтобы именно эти истории выглядели так, как она их чувствовала.

После разговоров с отцом она нередко возвращалась к уже готовым рисункам и замечала детали, которых раньше не видела сама. Иногда достаточно было одного его вопроса, чтобы вся сцена приобретала совершенно другую глубину.

Она регулярно оставляла Нотману отзывы. Под каждой новой книгой. Иногда длинные, иногда совсем короткие. Отзывы появлялись сотнями, а потом тысячами. Было совершенно очевидно, что прочитать их все невозможно. И всё же автор каким-то невероятным образом успевал ответить нескольким десяткам читателей. Иногда одним словом. Иногда всего одной фразой. Маша никогда не попадала в это число и всё равно писала снова.

Она почему-то была уверена, что человеку, который умеет так чувствовать своих героев, важно знать, что они живут дальше уже в чужих сердцах. Самого Павла Нотмана она представляла человеком намного старше себя. Наверное, примерно ровесником отца. С классическим университетским образованием, огромной библиотекой, безупречным литературным вкусом и тем самым редким умением мыслить глубоко, не перескакивая с одной мысли на другую каж-

дые несколько секунд. Скорее всего, у него было не одно образование и уж точно невероятная дисциплина.

Но в интернете о Нотмане не было почти ничего. Ни фотографий. Ни интервью. Ни биографии. Даже имя вполне могло оказаться литературным псевдонимом. Однажды они обсуждали это с отцом.

– Это вообще может быть не один человек, – сказал тогда Берестов. – Есть же гипотеза, что под именем Шекспира писала целая группа авторов.

– Правда? Я даже не знала. А почему появилась такая версия?

– Уже не помню всех аргументов. Но один из главных происхождения Шекспира. Он был из простой семьи и не мог получить такое всестороннее образование. Считается, что человек без серьёзных знаний вряд ли мог настолько свободно разбираться в истории, медицине, ботанике, иностранных языках, придворной жизни. Отсюда и появились сомнения.

Через полчаса Маша медленно оторвала взгляд от ноутбука и ещё несколько секунд просто сидела молча. Новый роман обещал быть потрясающим. В груди приятно дрожало то самое чувство, которое возникало только после действительно хороших книг. Она открыла страницу комментариев. Пальцы замерли над клавиатурой.

«Опять?»

Она уже столько раз писала ему и каждый раз понимала, что её слова почти наверняка утонут среди сотен других.

«Ну и пусть».

Мысль вдруг стала удивительно простой. Если человек подарил тебе несколько часов настоящего счастья, почему он не должен узнать об этом? Она улыбнулась и начала писать, не подбирая слов и не исправляя предложения. Благодарность будто сама складывалась в строки. Потом открыла электронную папку со своими иллюстрациями. Несколько секунд смотрела на вложенные файлы. Закрыла. Снова открыла. В конце комментария всё-таки написала:

«Если вам когда-нибудь будет интересно посмотреть мои иллюстрации к вашим книгам, вот моя электронная почта...»

Она перечитала написанное и поморщилась. Чуть не стёрла последние две строки.

«Глупо же...»

Но всё-таки нажала кнопку «Отправить». И сразу почувствовала себя неловко. Будто только что постучалась в дверь человека, который даже не знает о её существовании.

– Ладно... – тихо сказала она самой себе. – Теперь точно всё.

Надежды на ответ почти не было. Закрыв страницу ЛитРес, Маша подхватила ноутбук и пересела за рабочий стол. В личном кабинете её уже ждал новый заказ.

Фармацевтическая компания прислала техническое задание на большой проект.

Глава 3

Он проснулся от глухого удара, что-то тяжёлое упало в квартире на четвёртом этаже. Дом был старый, без лифта, ещё той постройки, когда о слышимости заботились так, что при закрытых окнах можно было смело петь песни, танцевать и не бояться, что соседи снизу вызовут полицию. Но сейчас, судя по звуку, упало что-то действительно большое. Где-то рядом жалобно скрипел паркет. Он иногда «разговаривал» в тишине. Где-то в трубах зажурчала вода, почти сразу стихла, потом в стене что-то едва слышно щёлкнуло, словно дом напомнил о себе и тут же передумал.

Павел лежал с закрытыми глазами и слушал. Это была его привычка не просыпаться сразу, а сначала услышать мир, убедиться, что он по-прежнему существует. Что ночью его не унесло в ту пустоту, откуда иногда так трудно возвращаться.

Шесть тридцать.

Павел почти всегда просыпался в это время. Без будильника, без чужого голоса. Тело само знало, когда наступает утро и пора открывать глаза. Он сделал вдох, затем медленный выдох. Подождал ещё несколько секунд и только потом, с привычным усилием, приоткрыл веки.

Потолок был белым, с тонкой трещиной возле люстры. Серая полоска рассвета пробивалась сквозь неплотно задёрнутые шторы. За окном начинался обычный мартовский день. Холодный, ещё почти зимний, но уже с той едва заметной переменной света, которую невозможно было не почувствовать.

Павел лежал неподвижно и прислушивался к себе. Сильное напряжение внизу живота. Тяжесть в плечах. Тянущая боль в пояснице. Он знал: если сейчас попытается пошевелиться, ничего не произойдёт. Руки и шея, только они всегда слушались первыми.

Он повернул голову. Всё остальное придёт не сразу. Не сейчас. Сначала нужно было просто понять: он жив и ночь позади. Теперь нужно прожить день. Павел перевёл взгляд на часы, стоявшие ровно напротив кровати, на тумбочке.

Шесть тридцать две. Пора вставать.

Сегодня он собирался выложить две главы новой книги. Две. Он обещал себе не торопиться, но текст захватил так, что последние три ночи он спал по три часа. Идеи приходили сумасшедшие, горячие, не давали дышать, пока он не выливал их на бумагу. Получилось интересно. По крайней мере, ему самому хотелось читать дальше.

Это было его любимое состояние, когда ты сам не знаешь, что случится на следующей странице, хотя именно ты эту страницу пишешь.

Он сел на кровати, выдохнул, развернул коляску, перехватился за подлокотники и с небольшим усилием перенёс тело. Привычно. Сухо. Почти без мысли.

В ванной он скинул футболку, стянул штаны, заехал в душевую и дёрнул шторку. Дома никого не было уже два года, а он всё равно задёргивал её по привычке. Повернул вентиль, вода полилась на плитку. Павел откинулся на спинку коляски, расслабил живот, нащупал место чуть ниже пупка, сжал пальцы в кулак и резко надавил. Тяжесть внутри отпустила. Тёплый поток уходил в сток, растворяясь в струях воды. Тело стало легче. Он выдохнул, чувствуя, как вместе с этим выдохом уходит утреннее напряжение. Потом намылил коляску, ополоснул её. Чисто. Теперь можно было бриться и чистить зубы.

На кухне он заварил растворимый кофе. В кабинете открыл ноутбук, зашёл на сайт и нажал «опубликовать». Две новые главы улетели.

Павел откинулся на спинку коляски, плотнул кофе. Сделано.

Ровно месяц назад, семнадцатого февраля, ему исполнилось двадцать пять. В полной тишине. Без звонков, без сообщений, без чужого «с днём рождения», без чая с тортом. Но для

Павла была важнее другая дата. Следующий день. Восемнадцатое февраля. День, разделивший его жизнь на до и после.

Десять лет назад он был другим.

Лёгким, как ветер, который никогда не знает, куда его понесёт, но всегда уверен, что там будет интересно. Он улыбался так, что заражал улыбкой всех вокруг, верил, что мир огромен и однажды он его покорит. Цели у него были не просто большие, планетарные. Он говорил одноклассникам:

– Я побываю на всех континентах. Выучу пять языков. Напишу книгу, которую будут читать на разных языках. Даже в Японии.

И они верили. Потому что он сам верил в это так искренне, что сомневаться было невозможно. Павел был тем, к кому тянулись, с кем хотели дружить, смеяться, спорить, ходить гулять после школы. Он жил на полную, и это было заразно. Обожал спорт, скорость, лёгкость, движение. Мечтал увидеть мир своими глазами, почувствовать ветер в лицо и, обнимая родителей, говорил:

– Я отвезу вас на самый красивый закат в мире.

Они улыбались.

Всё закончилось на следующий день после его пятнадцатого дня рождения. Павел проснулся, позавтракал, поцеловал маму, договорился с отцом вечером сразиться в шахматы и вышел из дома. Через пять минут он лежал на асфальте и не чувствовал ног. Мир перестал быть огромным. Он стал размером с больничную койку. Ветер больше не бил в лицо. Теперь он бил в спину, когда санитары переворачивали его, чтобы не было пролежней. А тот парень, который мечтал о пяти языках и всех континентах, остался лежать на мокром асфальте в тот февральский день с раздробленным позвоночником после удара огромной сосульки, сорвавшейся с крыши, и больше не встал.

Тот год был страшным. Сначала сосулька. Потом похороны отца. На них Павел не был. Целый год он провалялся в больнице и не мог даже до конца поверить, что отец умер, как не мог поверить в то, что сам больше никогда не сможет ходить.

Диагноз ему поставили сразу после аварии: неполное повреждение спинного мозга на уровне L1, перелом позвонка в поясничном отделе. Нервы, идущие к мышцам ног, были повреждены.

От паха вниз он не чувствовал ничего. Ноги словно отрезали. Они оставались при нём, но были чужими: мёртвыми, тяжёлыми. Павел не мог встать, не понимал, когда наполняется мочевой пузырь, не чувствовал, касается ли нога пола. Мышцы таяли с каждым месяцем, голени и стопы становились тонкими.

Он почти перестал разговаривать с матерью, которая превратилась в тень: заплаканную, маленькую, тихую, спешащую к его постели с лекарством, водой, с надеждой, которой у него не осталось.

Она садилась рядом, пыталась погладить его по руке, а он отпихивал её, орал, гнал прочь, бил посуду, рвал на себе одежду. Мама терпела. Всегда терпела. Когда он засыпал, возвращалась, целовала его в волосы и снова уходила в коридор плакать.

А ещё он отлично помнил тот вечер, который снова стал для него переломным. Тогда ему было шестнадцать, и он уже несколько месяцев жил с хронической депрессией. Мама вошла в

комнату с тарелкой. Он очень ждал, когда она войдёт и одновременно больше всего на свете не хотел её видеть.

– Вот, родной. Попробуй, какое пюре вкусное получилось...

Он скользнул взглядом по тарелке и, отвернувшись к стене, сжал зубы. И тут что-то больно кольнуло в груди. Он не сразу понял, что именно. Мгновение, и осознание пришло.

У мамы тряслись руки.

Она всегда держалась. Всегда старалась, чтобы он не видел её страха, чтобы думал, что всё нормально, что ничего страшного не происходит, что всё ещё можно исправить. А теперь он вдруг увидел, как дрожат её тонкие пальцы, как она старается осторожно поставить тарелку на тумбочку, чтобы не стукнуть.

Она уже тихо пошла к двери. И тогда он понял.

«Она боится. Ждёт, что я взбежусь. Что швырну тарелку. Что закричу. Ждёт моего крика».

Его словно громом ударило. Впервые за долгое время он увидел не себя. Увидел её. И вдруг понял, что вся её жизнь теперь состоит из ожидания. Ожидания его крика, его злости, его очередного срыва. Она просыпается утром и не знает, каким он будет сегодня. Входит в комнату и заранее готовится к тому, что её могут выгнать. Приходит с едой и боится даже поставить тарелку.

«Как она с этим живёт? Как терпит?»

Он резко развернулся и крикнул:

– Мапочка...

Она остановилась и почти сразу метнулась к его постели, опустилась рядом на колени.

– Прости...

Голос сорвался.

– Прости меня, мама... За всё прости...

Он схватил её руки, прижал к своему лицу, к губам и начал целовать, не в силах остановиться. Слёзы падали ей на ладони.

– Я ведь всё понимаю, мама... Я всё понимаю... Тебе ещё тяжелее... Не надо меня бояться, мама. Не надо...

Она стояла на коленях возле его постели, не дыша, и тоже плакала. А Павел вдруг понял, что она ждала этого дня. Ждала, когда он очнётся. Не телом. Душой.

После этого жизнь начала понемногу выстраиваться в новом порядке.

За год он перечитал всю домашнюю библиотеку. Потом стал читать всё больше, скачивая книги из интернета. Перерешал десятки кроссвордов, увлёкся документальными фильмами, подписался на научно-популярных просветителей, слушал подкасты, заинтересовался стратегическими играми и завёл дневник, куда каждый вечер записывал всё, что успел заметить за день.

Ему нужно было чем-то заполнить пространство, в котором раньше были спорт, улица, друзья, движение, планы.

И он заполнял его: знаниями, историями, мыслями. Через год, с опозданием, закончил школу с серебряной медалью. Поступил в Плехановскую академию на экономический.

Уже студентом начал работать репетитором. Сначала преподавал свою любимую математику, потом добавил русский язык. Вёл группы сразу в нескольких онлайн-школах.

С детьми у него получалось легко. Он не давил, не заставлял, не говорил, что они ленивые или неспособные. Просто создавал атмосферу, в которой можно было ошибаться и не бояться. На его занятиях шутили, смеялись, спорили. И сдавали экзамены. Обычно не ниже восьмидесяти пяти.

– Так, стоп. Ты пишешь, что $\sin 2\alpha = \sin^2 \alpha + \cos^2 \alpha$. Это ты проверяешь, сплю ли я?

– Проверяю, – ухмыляется парень в zoom.

– Тогда я сплю. И мне снится, что ты переписываешь это как $2\sin\alpha \cos\alpha$.

А если приходили те, кого другие записали в безнадежные, те, кто почти опустил руки перед бездной собственных пробелов, Павел брал их обязательно. На них уходило много времени и терпения. Иногда очень много сил, но он считал, что каждый человек имеет право на второй шанс.

Что ребёнку обязательно нужно дать тот свет, который когда-то сам перестал видеть. Дать ему надежду выбраться, даже если кажется, что яма слишком глубокая.

Однажды отец одного мальчишки, которого Павел вывел со слабой тройки на сто баллов по русскому, настоял на личной встрече. Павел отказывался. Тот был крайне настойчив и всё-таки приехал. С собой привёз мощный ноутбук. Когда увидел коляску, на секунду опешил. Потом спросил:

– Что ещё нужно?

Мама, стоявшая рядом, мягко ответила:

– Ничего. Спасибо. У нас всё есть.

Мужчина помолчал.

– Я собственник сети DSN. Это цифровая техника. Значит, завтра будет ещё телефон. И всякая мелочь.

Павел тогда впервые почувствовал не жалость, а что-то совсем другое. Он был нужен. Его работа имела значение. Он сам стал способен давать что-то ценное другим.

Его по-прежнему преследовали боли, а утром он вообще чувствовал себя в собственном теле, как в склепе. Прележав несколько часов неподвижно, он ощущал, как немеет всё, что ещё недавно было живым и послушным. Чтобы держать тело в форме, начал заниматься по утрам минимум два часа.

Купил на маркетплейсе самую дешёвую скамью для жима лёжа, какую смог найти. Из школы ему отдали старую штангу. На вертикализатор он заработал сам. Научился управлять телом заново, миллиметр за миллиметром. Делал массаж ног, использовал миостимулятор, заставляя мышцы работать хотя бы так, чтобы они окончательно не ушли в ноль. Торс и руки стали сильными, красивыми, рельефными. Это было единственное, что он мог контролировать и чем по-настоящему гордился.

Если подолгу сидел за компьютером, каждые двадцать минут поднимался на руках, разгружая тело и восстанавливая кровоток. Но боль всё равно приходила. Нейропатическая. Жгучая, стреляющая, иногда такая, будто внутри ног внезапно включали электричество. Фантомная боль не требовала живых нервов. Её порождал сам мозг, перестраивая карту тела, которая больше не совпадала с реальностью. И там, где была пустота, он рисовал огонь. Павел замирал, морщился, пережидал.

Иногда она отпускала через минуту, чаще держала полчаса. Он привык. Не к боли, к тому, что она может прийти в любой момент. Просто жил с ней, как живут с шумом за окном, который иногда замечают, иногда перестают слышать.

Он часто вспоминал отца. Тот мог вечером отодвинуть газету, поставить перед собой шахматную доску и сказать:

– Одну партию. Пока статья не остыла.

Отец был известным журналистом, научным обозревателем. Писал о том, как изменение климата меняет океанские течения, о том, что на самом деле скрывается за красивым выражением «квантовое превосходство», объясняя сложнейшие вещи с той ясностью, которая приходит только вместе с глубоким знанием.

А потом вдруг снимал очки, смотрел на Павла поверх них и спрашивал:

– Ну? Где я перемудрил?

И ждал ответа. Серьёзно. Не как отец, который проверяет сына, а как человек, который действительно хочет услышать мнение другого человека.

А ещё у них была игра.

Они садились за один стол и писали сочинение на одну тему на скорость, но каждый стилем одного из известных писателей.

– Я взял Булгакова! – самоуверенно заявлял Павел.

– Он занят.

– Тогда я Чехов сегодня, – отвечал Паша.

Через час они читали написанное вслух и спорили до хрипоты о стилях, интонациях, метафорах, о том, где слово работает, а где автор просто пытается казаться умнее, чем он есть.

– Твой раунд, Пашка, – усмехался отец. – Но завтра Набоков мой.

В этих вечерах, в шахматах, в спорах за столом Павел чувствовал себя не сыном, а собеседником. Наверное, это было генетическое, но Павел действительно любил писать. Сочинения в школе. Заметки в дневнике. А потом однажды написал рассказ. Ни для кого.

Просто в стол. Потом ещё один и ещё.

Случайно узнал о ЛитРес и о возможности размещать произведения бесплатно и однажды выложил свой первый сборник фантастических рассказов. К его удивлению, появились читатели.

Он не верил, что это серьёзно, пока не пошла одна победа за другой на конкурсах ЛитРес в жанре фэнтези, а количество подписчиков стремительно росло. Сотни. Тысячи. И он втянулся. Фэнтези стал его авангардным жанром. Этот мир подчинялся правилам. Ты мог просчитать, понять, опереться на них. Если герой падал, он знал, что встанет. Если терял, находил. Если умирал, то не зря. Там была логика, которой ему так не хватало в жизни. Фэнтези не врало. Оно честно говорило: боль имеет смысл, страдания свою цену, а у любой тьмы есть свой свет. И Павел верил в этот свет, даже когда не видел его. Потому что фэнтези никогда не обещало лёгкой жизни. Оно обещало, что за жизнь стоит бороться.

Писал ночами, переписывал, вычищал, снова переписывал. Учился. Читал. Смотрел, что работает, а что нет. Постепенно перестал бояться собственных ошибок. Тогда он впервые подумал, что, возможно, это действительно его жизнь. Он радовался каждому комментарию, как ребёнок. Позитивные перечитывал по три раза, улыбался в темноте, забывая, который час. В такие моменты он вообще не вспоминал о боли, не вспоминал об инвалидности. Он просто был писателем.

А потом приходили другие комментарии. Негативные заставляли сердце сжиматься, настроение падало, и иногда одного короткого предложения хватало, чтобы перечеркнуть весь день. Однажды кто-то написал:

«Герой картонный, никакой глубины. Автор явно не знает жизни».

Павел закрыл ноутбук и не открывал его два дня. Думал. Потом снова сел за компьютер и ответил:

«Спасибо за то, что нашли время написать. За то, что сказали мне правду, даже если она колет. И за то, что прочитали до конца, даже если вам не понравилось».

Мама ушла два года назад. Инсульт. Она умерла в тот день, когда забирала его диплом об окончании академии. Было жарко, она вернулась домой тихая, уставшая, положила сумку, немного посидела, рассказала, что получила диплом, улыбнулась и легла отдохнуть, а потом больше не встала. Скорая приехала через тридцать минут. Павел сидел в коридоре и слушал, как за дверью врачи говорят короткими, непонятными словами, словно всё происходило где-то очень далеко и не имело к нему никакого отношения, хотя он уже понимал, что именно происходит, просто не мог заставить себя поверить в это до конца. Похороны взяла на себя библиотека, в которой работала мама, к Павлу прикрепили социального работника, а в доме поселилась пустота, настолько непривычная, что первые недели он несколько раз ловил себя на том, что прислушивается к шагам в коридоре, ждёт, что сейчас откроется дверь и мама

войдёт, спросит, ел ли он, почему опять так поздно сидит за компьютером, а потом вспомнит, что спрашивать больше некому.

За месяц до смерти мама, словно что-то почувствовав, однажды пришла после работы необычно уставшая, прилегла в своей комнате, а Павел, увидев, что она не встаёт, въехал к ней и спросил, не нужно ли чего-нибудь. Она подозвала его ближе, взяла за руку и вдруг сказала, глядя прямо ему в глаза:

– Павлик, ты очень сильный человек. Я знаю, что если ты что-то пообещаешь, то выполнишь.

Она помолчала, словно собиралась с духом.

– Ты о чём, мама?

– Обещай, что, когда меня не будет, ты не опустишься.

– Мама... – он попытался высвободить руку, но она не отпустила.

– Это всё равно когда-нибудь случится, Павлик. Послушай меня.

Она прикрыла глаза, потом снова посмотрела на него и начала говорить спокойно, почти буднично, так, словно перечисляла дела, которые нужно сделать завтра утром:

– Обязательная гигиена. Каждое утро и каждый вечер душ, ежедневная смена белья, зубы чистить обязательно, бриться тоже.

– Легко, – улыбнулся Павел. – Мам, ну всё, я понял.

– Не всё. Спорт, конечно, и нормальное питание. Тебе нельзя сидеть на макаронах. Для мышц нужен белок, витамины. Денег у нас немного, но сколько бы ни было, первое, что покупаешь, – куриное филе, гречку, рис, яйца, творог. Хотя бы самые недорогие витамины, Паша.

Павел замолчал и с тревогой посмотрел ей в лицо, потому что за этими словами уже слышал совсем другое, то, о чём она не говорила прямо: *как мне оставить тебя? Что с тобой будет? Как ты справишься один?*

Но мама продолжала, будто не замечая его взгляда:

– Посуду не копишь, поел, сразу помыл. Три раза в неделю протираешь пыль и моешь пол.

Она слегка качнула его руку и добавила:

– Обещай.

И именно тогда Павел впервые понял, что научился слышать не только слова. За каждым её «купи курицу» стояло «мне страшно оставлять тебя одного», за «мой пол три раза в неделю» – «не дай себе развалиться», за «чисти зубы и брейся» – «останься человеком, даже если меня рядом не будет». Она не говорила ему «я люблю тебя», потому что, наверное, всю жизнь говорила это иначе: приготовленным ужином, чистой одеждой, лекарствами на тумбочке, своей рукой на его плече, когда ему было особенно плохо. И теперь, понимая, что, возможно, впервые говорит с ним о собственном уходе, она снова не произносила главного, а просто оставляла ему правила, по которым он должен был продолжать жить.

Павел смотрел на неё и вдруг понял самое важное: она не просила его быть сильным. Она просила его жить.

– Обещаю, мама, – серьёзно ответил он.

Она улыбнулась устало, но светло, закрыла глаза и ещё некоторое время держала его руку в своей, а он сидел рядом, не зная, что через месяц будет вспоминать именно это тепло, именно эту руку, именно её спокойный голос и понимать, что в тот день она уже прощалась с ним, хотя сама, возможно, ещё не знала этого.

А через месяц мир стал меньше на одного человека, на одну улыбку, на один голос, который больше никогда не спросит его из соседней комнаты:

– Паш, ты поел?

В их подъезде, в сталинском четырёхэтажном доме, лифта не было. Мама когда-то уговорила управляющую компанию, заплатила за работу, и от третьего этажа до первого ему при-

варили рельсы для коляски, чтобы он мог сам выезжать на улицу и не сидел взаперти. Через месяц после её смерти Павел открыл дверь, чтобы спуститься, и увидел, что рельсы сняли.

Он долго смотрел на пустую лестницу, не понимая, что произошло, а потом догадался: кто-то, наверное, решил, что это он умер. Павел сидел в кресле с распахнутой входной дверью несколько минут, чувствуя, как внутри поднимается паника. Он медленно притянул дверь к себе и тихо закрыл.

С тех пор прошло два года. Он больше не выходил на улицу.

Всё заказывал домой, работал из кабинета, общался через экран и постепенно научился жить так, будто за дверью ничего нет. В тишине, в своей крепости, которая стала его тюрьмой.

За эти два года с ним что-то произошло.

Он не озлобился. Наоборот, перестал воевать с собой, перестал злиться на мир, перестал задавать вопросы, на которые всё равно не существовало ответа. Прошёл путь от смертельной тоски, горечи и отчаяния к тому, что сам называл смирением.

Он перестал реагировать на злые выпады людей, на грубость, с которой иногда сталкивался в интернете, потому что научился слышать за словами другие смыслы: за насмешкой чужую зависть, за агрессией страх, за желанием унижить собственную беспомощность человека.

Он почти ни на кого больше не злился. Появилась тихая покорность. Но примерно полгода назад в эту тишину начала проникать какая-то плесень.

Она появилась незаметно, почти без причины. Просто однажды Павел поймал себя на том, что утро перестало отличаться от вечера, понедельник от воскресенья, а один день от другого. Всё было ровно, спокойно, предсказуемо и вместе с тем совершенно пусто.

Он продолжал просыпаться в шесть тридцать, вставал, принимал душ, занимался, заваривал кофе, садился за компьютер, писал, преподавал, отвечал читателям, проверял работы учеников, ложился спать и на следующий день делал всё то же самое.

Он начал чувствовать, как что-то уходит изнутри. Это была не физическая усталость, не та, которая проходит после сна или нескольких часов отдыха. Это была другая усталость, глубокая, бесцветная, не связанная с телом и потому не поддающаяся лечению. Павел перестал понимать, зачем просыпаться. Зачем пить утренний кофе. Зачем открывать новую книгу.

Он понимал, что с ним происходит, потому что слишком много читал и слишком много знал. Он ещё держался. Придумывал себе короткие цели: написать главу, дописать книгу, выпустить очередную группу ЕГЭшников, закончить начатый курс, ответить читателям.

И эти маленькие вещи действительно держали. Пока держали. Но с каждым месяцем Павел всё яснее понимал, что их становится недостаточно. Что однажды он проснётся утром, посмотрит на экран, на кружку с кофе, на текст, который должен закончить, и не почувствует ничего. Ни желания. Ни интереса. Ни даже усталости от того, что надо что-то делать. Только пустоту. И тогда он останется с ней один на один.

Павел не знал, что делать. Знал только одно: больше так жить он не хотел.

Он отключил Zoom, закончив очередное занятие с учеником, сварил куриное филе и рис, поужинал, глядя куда-то в пустоту, потом открыл ноутбук и стал читать комментарии. Читал и, как всегда, улыбался. Сначала отвечал всем, потом стал отвечать выборочно, но сегодня почему-то было особенно тяжело на душе, и он сам не понимал почему, поэтому поток чужих слов, вопросов, благодарностей и споров постепенно успокаивал его, возвращал в привычную реальность, и он решил дочитать всё до конца.

«...иллюстрации к вашим книгам...»

Фраза возникла в сознании неожиданно, уже где-то между его собственными мыслями, которые успели далеко уйти от текста комментариев.

Павел вернулся к началу и перечитал последние строчки.

Пользователь с ником Your991475 писал:

«Если вам когда-нибудь будет интересно посмотреть мои иллюстрации к вашим книгам, вот моя электронная почта».

Павел приподнял брови.

Иллюстрации к книгам он всегда считал плохой идеей. Особенно если речь шла о его собственных книгах, потому что у него в голове слишком хорошо складывались лица, движения, комнаты, улицы, одежда, даже то, как герой должен стоять или смотреть в определённый момент. Любая чужая картинка почти неизбежно вступала бы в конфликт с тем, что уже существовало в его воображении.

«Лучше, чтобы каждый сам достраивал героев в воображении».

Он закрыл ноутбук, снял одежду, закинул её в стиральную машину, заехал в душ и включил воду. Пластиковая штора тут же прилипла к телу.

– Так. Если не отстанешь, оторву!

Штора отлипла.

– Вот и договорились, – пробормотал Павел.

Вода лилась сверху, тёплая, ровная, успокаивающая, но мысль про иллюстрации почему-то не отпускала. Он выключил воду, вытерся, переоделся в чистое, перебрался в постель – сначала на край, потом оттолкнулся руками и улёгся, закинув руки за голову.

Не спалось.

Он смотрел в потолок, где возле люстры темнела знакомая трещина, и снова и снова возвращался к этому комментарию с иллюстрациями. Мысль впилась, как заноза.

Павел ещё несколько минут лежал неподвижно, затем выдохнул, поднялся, сел в коляску и подъехал к столу. Открыл ноутбук, нашёл комментарий, переписал электронную почту. Некоторое время смотрел на пустое поле сообщения, словно от этого зависело что-то гораздо большее, чем обычный ответ читателю.

Потом написал коротко, сухо, как всегда, когда не хотел давать человеку лишних надежд:

«Здравствуйте. Это Павел Нотман. Мне было бы интересно увидеть ваши иллюстрации. Если не трудно, пришлите, пожалуйста, на почту».

Он перечитал. Никаких лишних слов и обещаний. Никаких обязательств. Нажал «отправить».

Павел не знал, кто ему ответит, мужчина или женщина. На ЛитРесе попадались самые дурацкие ники, и за ними никогда нельзя было угадать человека. Он закрыл ноутбук. И впервые за весь этот день ему почему-то стало немного легче.

Глава 4

Шесть пятнадцать. Павел открыл глаза и замер, прислушиваясь к себе, как делал каждое утро. Онемение в шее, тяжесть в затылке, тупое напряжение внизу живота – привычный набор, с которого начинался почти каждый день.

Он вдруг вспомнил: вчера он попросил прислать иллюстрации. Павел резко открыл глаза, будто его действительно кто-то толкнул, сел на кровати, преодолевая утреннюю скованность, развернул коляску, перехватился руками и пересел. Подъехал к столу. Сердце почему-то билось чаще, чем обычно. Ему было интересно, как она увидела его героев.

Он заранее сказал себе не расстраиваться, если образы окажутся совсем не такими, какими он представлял их сам. Обещал себе, что в любом случае поблагодарит автора: человек потратил своё время, прочитал его книги, придумал собственные лица, одежду, движения, целые миры, а уже одно это заслуживало уважения.

Открыв письмо, по тексту понял, что пишет женщина. Увидел ссылку, перешёл в облако и замер. Там было больше двадцати папок, почти по количеству его книг. Он открыл первую. Иллюстраций оказалось больше десяти. Открыл вторую, затем третью...

Павел некоторое время просто смотрел на экран.

«Это сколько же человек работал?»

Он совершенно забыл про утреннюю скованность, про онемение, про тяжесть в теле, про всё остальное. Остался только экран и огромное количество изображений, среди которых вдруг оказался созданный кем-то другим мир его собственных книг. Он бегал глазами по названиям папок и не мог решить, какую открыть первой. Хотел посмотреть всё сразу и одновременно боялся разочароваться. Наконец заставил себя остановиться, с усилием оттолкнулся от стола и развернул коляску.

– Сначала утро, – сказал он вслух. – Приведу себя в порядок, приготовлю завтрак, заварю кофе и вернусь.

Он заставил себя отъехать. Но мысли уже остались там, в облаке, среди двадцати папок и сотен рисунков. Через тридцать минут он с волнением открывал папки. Часть иллюстраций не совпала с его видением. Совсем. Он понимал, что они сделаны с душой, видел старание, внимание к деталям, чувствовал, что человек не просто пролистал книги, а действительно пытался войти в их мир, но всё равно это был уже не его мир, а чужое

На некоторых задерживался. К некоторым возвращался. А потом начал находить работы, от которых не мог оторваться. Всё было сделано профессионально: композиция, детали, свет, цветовые решения, выражения лиц. Во всём чувствовалась рука человека, который знает, что делает. Но главное было не это.

Несколько рисунков совпали с тем, что годами существовало у Павла в голове почти до мелочей. А несколько оказались лучше. Он остановился на одном из них и долго смотрел, потом открыл книгу, нашёл описание героя и перечитал его ещё раз, словно хотел проверить самого себя. Художница не ошиблась. Более того, она увидела в нём то, чего Павел сам не заметил. Он снова посмотрел на рисунок, потом откинулся на спинку коляски и задумался.

Странное чувство. Он привык быть автором, который создаёт мир, а потом объясняет его читателям, если они понимают что-то иначе. Привык знать о своих героях больше всех, потому что именно он давал им прошлое, характер, страхи, желания, даже то, о чём они сами ещё не знали. А здесь какой-то человек взял его текст и увидел в нём больше, чем увидел он сам. Павел впервые за долгое время почувствовал настоящее любопытство к человеку, которого даже не знал.

«Кто она? Сколько ей лет? Откуда у неё это умение видеть? И почему именно так?»

Вечером, закончив работать с учениками и поужинав, Павел снова открыл ноутбук и сел писать ответ.

Он написал сдержанно, как обычно, но на этот раз за сдержанностью было настоящее восхищение. Поблагодарил за работу, отметил, сколько времени и сил должно было уйти не только на прочтение его книг, но и на создание такого количества образов, сказал, что видит профессиональный уровень и именно поэтому особенно удивлён некоторыми решениями. А потом написал:

«Вы совершенно иначе увидели эту сцену, но теперь я понимаю, что вы правы».

Он перечитал фразу несколько раз. Пожалуй, это было самое искреннее, что он мог ей сказать. В конце добавил:

«Откуда у вас такая профессиональная подготовка?»

Павел ещё секунду смотрел на экран, потом нажал «отправить». И только после этого подумал, что впервые ему действительно хотелось дождаться ответа незнакомого человека.

Он не успел закрыть ноутбук. Ответ пришёл почти сразу, и Павел даже замер от такой скорости. Иллюстратор писала, что счастлива получить от него ответ и очень рада, что ему что-то понравилось, а если он захочет, она готова доработать всё, что сочтёт нужным: любую деталь, любого героя, любую сцену, потому что для неё важно не просто нарисовать то, что она увидела в книге, а максимально точно понять, что видел автор.

А следом пошли вопросы: о героях последней книги, о поступках, о мотивах. О том, почему один персонаж в определённой сцене промолчал, хотя, казалось бы, должен был сказать совсем другое.

Павел перечитал письмо дважды и улыбнулся. Она не просто благодарила его за внимание и не пыталась получить очередную похвалу. Она предлагала диалог, причём задавала вопросы, на которые ему самому было интересно отвечать.

А потом написала:

– А почему вы сделали его таким холодным? Мне кажется, он вообще не холодный. Он просто боится, что его увидят настоящим.

Павел долго смотрел на экран. Перечитал ещё раз. Потом ещё. Медленнее. Она попала. Причём попала не в персонажа. В него самого.

Он откинулся на спинку коляски и некоторое время просто сидел, глядя на эти несколько строк. Почему она это увидела? Он ведь не писал этого в тексте. Более того, сам не формулировал для себя эту мысль именно так, а если бы кто-то спросил его, почему герой ведёт себя

холодно, он, скорее всего, придумал бы вполне логичное объяснение, связанное с прошлым, характером и обстоятельствами.

А она одним предложением добралась туда, куда он сам не заглядывал. Павел ответил не сразу. Сначала написал несколько строк, стёр, снова написал, снова стёр, потом оставил короткий, почти осторожный ответ.

Она ответила быстро. С этого момента переписка и началась.

В какой-то момент она представилась Марией, попросила называть её просто Машей, и Павел впервые узнал её имя. До этого она существовала для него только как буквы на экране.

В одном из следующих писем Маша призналась, что плохо представляет себе творческий процесс, но подозревает, что идеи рождаются непосредственно в момент написания и писатель далеко не всегда знает, чем закончится сюжетная линия.

– Это правда? – спросила она. – Вы действительно иногда сами не знаете, что произойдёт дальше?

Павел ответил, что правда. Иногда герой действительно вырывается из-под контроля и уводит сюжет туда, куда автор совершенно не собирался его вести. Иногда он садится писать одну сцену, прекрасно понимая, что должно произойти через десять страниц, а потом какой-нибудь второстепенный персонаж вдруг говорит не то, что ему было положено сказать, делает не то, что было запланировано, и приходится менять всё, потому что иначе получится неправда.

Маша ответила:

– То есть вы сами не знаете, чем закончится книга?

Павел улыбнулся.

– Иногда не знаю даже, чем закончится сегодняшний вечер.

Она прислала смеющийся смайлик, потом написала, что теперь ей немного понятнее, почему некоторые его герои ведут себя так, будто сами управляют автором.

Так они заговорили о литературе, потом о персонажах, потом о психологии, и постепенно Павел обнаружил, что ждёт её писем уже не только потому, что ему интересно обсуждать книги. Однажды Маша привела в пример поступок главного героя, который со стороны выглядел жёстким, почти жестоким: он бросил близкого человека именно в тот момент, когда тот больше всего нуждался в поддержке. Маша написала, что не может его понять. Павел вдруг встал на защиту своего героя.

– У любого активного действия есть позитивное намерение, – написал он. – По крайней мере, так его воспринимает тот, кто действует. Человек всегда стремится к чему-то хорошему для себя, даже если в результате причиняет боль другому.

Ответ пришёл почти сразу:

– А войны?

Павел улыбнулся экрану.

– Конечно. Для тех, на кого напали, это катастрофа. Но для того, кто принял решение начать войну, это тоже может быть ярко выраженным позитивным действием. Добыча ресурсов, расширение территории, укрепление безопасности, устранение угрозы. Он ведь не думает: «Я несу зло». Он думает: «Я защищаю своё» или «Я возвращаю то, что должно быть моим».

Маша не согласилась. Павел тоже не отступил. Они спорили, иногда возвращаясь к одному и тому же вопросу через несколько часов или даже на следующий день, искали подтверждение своим словам в литературе, словарях, научных статьях.

Павел поймал себя на том, что иногда открывает ноутбук не для работы и не для комментариев читателей, а просто посмотреть, нет ли от неё нового сообщения. Это было непривычно. И постепенно переписка перестала быть разговором автора с иллюстратором. У неё появился собственный ритм, свои шутки, темы, к которым они возвращались, слова, которые понимали уже без объяснений, и странное чувство, будто они давно знакомы, хотя Павел всё

ещё не знал о Маше почти ничего. Знал только одно: ему всё чаще хотелось открыть ноутбук и увидеть там её имя.

Павел ловил себя на мысли, что ему это нравится. По-настоящему нравится. Раньше читатели либо захлёбывались восторгом, либо больно покалывали, оставляя после себя неприятное чувство, которое приходилось долго вытеснять из головы. Здесь же человек говорил с ним на равных, не как с известным автором, не как с человеком, которому нужно понравиться, а просто как с собеседником, которому действительно интересно, что он думает.

Он стал ждать её писем. Отвечал всегда осознанно, перечитывая каждое своё предложение, иногда возвращался к уже написанному, менял слово, переставлял фразу, потому что ему вдруг стало важно не просто ответить, а быть правильно понятым.

Их переписка постепенно теряла признаки обычных сообщений. Письма становились длиннее, содержательнее, иногда превращались в небольшие эссе, которые хотелось перечитывать не один раз.

Идею довести иллюстрации до результата, который понравится самому автору, первой предложила Мария. Павел не мог сказать, что ему нечем платить, но и пользоваться бесплатно чужим трудом не хотел. Для него это было вопросом принципа. Поэтому разговор об иллюстрациях остановил. Маша больше к этой теме не возвращается. Похоже, она почувствовала, что своей настойчивостью поставила Нотмана в неудобное положение, и отступила. Хотя ей, судя по всему, очень хотелось продолжать.

Ей нравилось общаться с ним. Это было похоже на погружение в мир интеллекта и фантазии, где из обычных слов вдруг рождались неожиданные мысли, образы, споры, эмоции, и Маша постепенно обнаружила, что сама начала жить этой перепиской, ждать его ответов, возвращаться к разговорам мысленно, иногда уже заранее формулировать, что хочет ему сказать.

И отчего-то, ей становилось страшно от мысли, что однажды он просто исчезнет, растворится в эфире, как исчезают тысячи людей, с которыми случайно сталкиваешься в интернете, и ничего уже нельзя будет вернуть. Подумав, она написала:

– Может, перейдём в чат? Так быстрее.

Павел обменялся с ней телефонами, почти сразу нашёл её и замер. На аватарке смотрела девушка такой яркой, чистой красоты, что у него на секунду перехватило дыхание. Сердце словно споткнулось и, пропустив удар, вдруг забилось сильнее. Он не мог отвести глаз. Пальцы сами сделали скриншот.

Он увеличил фотографию и начал рассматривать лицо медленно, почти благоговейно, будто боялся, что изображение исчезнет, если смотреть слишком долго: линию скул, изгиб губ, глаза, выражение лица, которое он не умел назвать, но почему-то не мог забыть. Всё в ней казалось ему каким-то невозможным. Не просто красивым, недоступным.

И вдруг оказалось, что эта девушка отвечает ему, ждёт его сообщений, существует в одной с ним переписке. Весь день Павел возвращался к фотографии. Открывал, смотрел, закрывал, снова открывал и каждый раз чувствовал внутри странную, острую смесь восхищения, неверия и тихой боли.

Он понимал, что придумал себе целую жизнь, в которой такой девушки для него просто не существовало и вдруг она появилась.

Когда пришло её новое сообщение, Павел замер над экраном. Не открывал. Просто смотрел, как светятся буквы. Потом медленно провёл пальцем по экрану и открыл.

Вечером он взял ноутбук с собой в постель. Лежал в темноте, подсвеченный только экраном, снова смотрел на её лицо, потом открывал иллюстрации одну за другой, словно пытался понять, как внутри такого человека рождаются эти образы, откуда берётся способность видеть людей именно так, почему несколько линий и пятен цвета вдруг могут заставить его самого иначе взглянуть на собственного героя.

Он таял от одной простой мысли: она вообще отвечает ему. Вот эта девушка с невероятным лицом видит его сообщения и находит для него время. И чем дольше Павел смотрел на экран, тем сильнее становилось другое ощущение, горькое. Он прикоснулся к чему-то, что всегда считал для себя недоступным, и теперь уже не мог сделать вид, что ничего не произошло.

С этого момента их разговоры в чате окончательно вышли за пределы книг и иллюстраций. Павел всё чаще замечал, что ждёт её сообщений с нетерпением, а иногда открывает телефон просто потому, что надеется увидеть рядом с именем Маши маленькую отметку о новом сообщении.

Однажды она спросила:

– А где вы сами бывали, чтобы так интересно описывать места? Наверное, чтобы так писать, нужно хотя бы по месяцу пожить в каждой стране мира.

Павел отшутился, но главного не сказал. Он нигде не был. Ни в одной из тех стран, которые описывал так, словно гулял там вчера. Он мягко перевёл разговор:

– А вы? Вы много путешествуете?

Маша ответила, что была на пяти континентах и примерно в сорока странах. Павел перечитал эту фразу ещё раз. Для него эти цифры звучали почти как описание другой биографии, другого человека, другой жизни. Он спросил, где ей понравилось больше всего. Ответ пришёл быстро:

– Италия. Это сказочная страна.

Павел немного подумал и написал:

– Сколько раз вы были в Италии?

– Примерно десять.

Он посмотрел на экран и вдруг почувствовал знакомое, почти забытое возбуждение от возможности узнать что-то настоящее о мире, который до сих пор существовал для него только в книгах, фильмах и чужих фотографиях.

– Расскажите мне об Италии, – попросил Павел.

Их переписка постепенно превратилась в виртуальное путешествие. Павел вспоминал шедевры, которые не мечтал даже увидеть своими глазами: «Давида» Микеланджело, Сикстинскую капеллу, тосканские холмы, старые площади, где камень под ногами помнит столько веков, что человеческая жизнь кажется короткой случайностью.

Но Маша рассказывала не то, что написано в путеводителях. Однажды она написала:

– Но самые смешные гонки мы с папой увидели в Альбе.

Павел сразу ответил:

– Ferrari?

Маша прислала смеющийся смайлик, а потом написала:

– Если бы! Гонки на осликах. На них весь город смеётся, потому что эти животные могут остановиться посреди дистанции, развернуться и пойти в другую сторону, могут лягаться, кусаться и вообще делать всё, что считают нужным.

Павел смеялся один в своей тёмной квартире, а потом ночью искал фотографии этих гонок.

Маша рассказывала о Ватикане, но опять не о том, что Павел уже видел на фотографиях и в фильмах, не о толпах у колоннады Бернини и не о туристических маршрутах, а о том, что под собором Святого Петра можно спуститься в настоящий древний некрополь, где находится предполагаемая гробница апостола, о месте, которое кажется почти невероятным, пока не узнаёшь, что оно действительно существует и туда можно попасть.

Она рассказывала о старых церквях, о местах, где до сих пор живут странные, почти еретические легенды, о преданиях, в которых Мария Магдалина вспоминается не только как раскаявшаяся грешница, но и как женщина, стоявшая рядом с Христом ближе, чем принято

говорить вслух. Не везде. Не открыто. Но следы этих историй всё ещё можно найти в старых церквях, фресках, книгах и местных легендах.

Павел ловил каждое её слово. Открывал ссылки, читал, искал дальше и обнаруживал, что за каждым её рассказом есть ещё один слой, а за ним следующий, и Италия, которую он раньше воспринимал как красивую, но совершенно далёкую абстракцию, вдруг становилась настоящей.

В ней появлялись запахи. Вкус эспresso в маленькой кофейне, где чашку ставят перед тобой ещё до того, как ты успеваешь окончательно проснуться. Соль на губах на Амальфитанском побережье. Тёплый камень под ладонью. Звон колоколов на площади. Шум голосов за соседним столиком. И главное Маша, которая всё это уже видела.

Однажды ночью его вдруг накрыло. Павел сидел в темноте кабинета, ноутбук светил перед ним, и он сам не понял, в какой момент вместо очередной статьи о Тоскане начал искать совершенно другие вещи. Как добраться до Италии человеку в коляске? Какие авиакомпании лучше приспособлены для пассажиров с ограниченной мобильностью? Как организован трансфер из аэропорта? Где можно жить так, чтобы не зависеть от лестниц? Как передвигаться по старым итальянским городам? Сколько стоит месяц жизни?

Он искал одно, потом другое, потом третье, открывал новые вкладки и постепенно обнаружил, что уже несколько часов изучает маршрут, которого ещё вчера для него вообще не существовало. Павел не понимал, зачем всё это делает. Просто продолжал. Чем дальше заходил, тем сильнее становилось странное, почти забытое чувство, волнение.

Будто впереди действительно могло существовать что-то, чего он ещё не видел. Он вдруг подумал, что, возможно, всё это не случайно. Что эта удивительная девушка появилась в его жизни именно сейчас, когда внутри него становилось слишком тихо, и, сама того не зная, открывает ему дверь в другой мир. Мысль показалась ему красивой. Он не стал её прогонять. А потом, спустя несколько дней, пришла другая. Совсем простая. Почти невозможная.

Может быть стоит попробовать? Поехать в Италию?

Павел долго смотрел на эти слова в своей голове, словно они были написаны кем-то другим. Потом открыл новый поиск.

С этого момента он всё чаще спрашивал Машу о практических вещах, каждый раз начиная с извинений, будто заранее чувствовал себя виноватым за то, что вторгается в её время.

– Если я покажусь назойливым, простите. Просто вы живой человек, который там был, а для меня Италия до сих пор почти миф. Мне трудно понять, как это устроено на самом деле.

Маша отвечала быстро и легко:

– С удовольствием расскажу всё, что знаю. А может, встретимся в каком-нибудь кафе? Так удобнее.

Павел замер. Рука сама отёрнулась от клавиатуры, будто он прикоснулся к чему-то горячему. Он ничего не отвечал минут десять. Потом написал:

– Я редко выхожу из дома.

Ответ пришёл почти сразу.

– Жаль.

И всё. Больше она не настаивала. Просто приняла его ответ. И именно это почему-то запомнилось Павлу особенно сильно. Но дело было уже не только в Италии. Месяц ежедневной переписки не мог пройти бесследно. Он стал ждать её писем. Иногда открывал телефон раньше, чем успевал понять, зачем. Иногда видел новое сообщение и чувствовал, как внутри что-то меняется ещё до того, как он успевал его прочитать. Он не хотел додумывать эту мысль. Старался не называть её. Но она уже была. Где-то глубоко, там, куда он никого не пускал, Павел всё яснее понимал, для него это давно перестало быть просто перепиской.

Глава 5

И чем больше она говорила, тем сильнее ему хотелось уже не представлять, а оказаться там. Но искать информацию он начал осторожно, почти украдкой, словно боялся спугнуть собственную мысль. Сначала просто набрал в поиске:

Италия для человека в инвалидной коляске.

Через три часа он всё ещё сидел перед открытым браузером и не мог заставить себя закрытькладки. Это был совершенно другой мир. Мир, о существовании которого Павел даже не подозревал. Он привык думать об Италии как о бесконечных лестницах, старой брусчатке, узких улицах, высоких порогах, древних зданиях, в которых человек на коляске обречён смотреть на достопримечательности снизу и ждать, пока кто-нибудь поможет ему преодолеть очередное препятствие. А оказалось, что многое там устроено совсем иначе.

На крупных вокзалах существовали специальные службы: можно было заранее сообщить о необходимости помощи, и тебя встречали, помогали попасть в поезд, сопровождали, помогали при пересадке. В больших музеях были лифты, доступные маршруты, отдельные входы. На некоторых пляжах специальные кресла, на которых человека можно было провести сразу в воду по специальным пандусам. В гостиницах были номера без порогов, с широкими дверями, приспособленными ванными комнатами.

И это были не больничные помещения, которые Павел почему-то представлял себе при слове «доступность», а нормальные, красивые отели, в которых люди приезжали отдыхать, пить вино, смотреть на море и просыпаться от солнца за окном. Он читал и всё меньше понимал, как мог столько лет быть уверен в обратном.

Даже Помпеи, которые он представлял себе как бесконечные древнеримские мостовые, камни и разрушенные ступени, в значительной части имели маршруты, по которым можно было передвигаться на коляске. Венеция, которую он вообще считал невозможной, тоже оказалась не такой безнадежной. Да, мосты оставались проблемой, но существовали вапоретто, водные трамваи, на которых можно было перемещаться по городу, а основные достопримечательности имели доступные маршруты.

Павел откинулся на спинку коляски и улыбнулся. Италия не была недоступной. Она просто была сложнее. А сложное, в отличие от невозможного, можно было решить. Он вдруг понял, что все эти годы боялся не того, что существовало на самом деле, а собственного представления об этом.

Мир, который он мысленно закрыл для себя в пятнадцать лет, продолжал существовать. Но больше всего его поразила даже не доступность городов. Если бы он умел водить, можно было арендовать автомобиль со специальным ручным управлением. Он открыл ещё несколько сайтов, проверяя, не ошибся ли. Не ошибся. Нашёл службы такси, автомобили которых были оборудованы автоматическими пандусами: коляска могла заехать внутрь целиком, без пересадки.

Павел смотрел на экран и не мог поверить, насколько простой вдруг стала вещь, которая ещё вчера казалась совершенно невозможной. Он выдохнул. У него было странное ощущение, будто все эти годы он стоял перед закрытой дверью, не решаясь даже прикоснуться к ручке, а дверь всё это время была открыта, просто он не знал, что её нужно толкнуть.

Павел снова посмотрел на экран. Теперь вопрос был уже не в том, можно ли. Можно. Вопрос был в другом. Деньги. Документы. Паспорт, виза, страховка, банковские вопросы, билеты, жильё, медицинские бумаги. Список оказался длинным, но конечным. А значит, выполнимым.

Март пришёл тихо, почти незаметно, а вместе с ним пришло решение, которое Павел принял не в один день и не под влиянием какого-то внезапного порыва, а словно постепенно собрал из десятков маленьких мыслей, расчётов и действий, пока однажды не понял, что уже не сомневается.

Он начал собирать документы через социального работника, через бесконечные звонки, отказы, повторные заявления и разговоры с людьми, которым приходилось снова и снова объяснять одно и то же. В те дни, когда усталость становилась особенно тяжёлой, он делался ещё молчаливее, отвечал спокойным, почти безжизненным голосом, потому что давно понял: если раздражаться, требовать и повышать голос, ничего не изменится, а силы, которые уходят на злость, потом уже не вернуть. Ему говорили, что необходимо личное присутствие, хотя по закону в его ситуации многое можно было оформить без него, требовали какие-то справки, отправляли из одной организации в другую, произносили привычное «так положено» и «без вас нельзя», а однажды даже попросили справку о недееспособности, после чего Павел несколько минут молчал, глядя в экран телефона, и только потом очень спокойно объяснил, что инвалидность и недееспособность – совершенно разные вещи.

Медицинские организации тоже тормозили, документы задерживались, сроки переносились, кто-то обещал перезвонить и не перезванивал. Он снова писал заявления, снова ждал, снова звонил.

Фотографа вызвали на дом.

Когда документы были собраны, Павел заказал выездную бригаду МВД для оформления биометрии на дому, но в назначенный день никто не приехал. Перенесли на неделю. Через несколько дней сообщили, что снова придётся подождать.

Каждый такой перенос отнимал у него силы почти так же сильно, как физическая боль. После очередного разговора Павел ложился на кровать, смотрел в потолок и чувствовал, как внутри него что-то постепенно истирается, становясь тоньше и слабее, но он не сдавался не потому, что считал себя сильным, а потому, что уже не мог остановиться. Италия стала единственной точкой, к которой он двигался, и пока эта точка существовала, существовало и направление.

В мае паспорт оказался у него в руках.

Тонкая книжечка, несколько страниц, фотография, печати, ничего особенного, но Павел держал её долго, словно это был не документ, а доказательство того, что то, о чём он ещё недавно даже боялся думать, действительно может произойти.

Появилась карта иностранного банка, а дальше оставалось самое простое и одновременно самое сложное: чтобы подать документы на визу, требовались даты, билеты, брони отелей, подтверждение маршрута.

И тогда Павел впервые открыл объявления о продаже недвижимости.

До этого квартира существовала в его сознании как единственное место, которое у него осталось, как стены, за которыми прошла почти вся его взрослая жизнь, как последнее странство, где он мог быть один и никому ничего не объяснять, а теперь он впервые увидел её глазами человека, который должен был уехать.

Он смотрел цены, считал, открывал новые объявления, сравнивал районы, площадь, состояние домов, снова считал, а потом сводил расходы в таблицу, разбивая их на обязательные и те, от которых при необходимости можно было отказаться. Открыл стоимость месяца жизни в Италии: жильё, еда, транспорт, бытовые расходы, медицинская и техническая помощь, которую при его состоянии нельзя было не учитывать, и цифры неожиданно сложились просто.

Он мог продать квартиру. Денег хватало более чем достаточно.

Он мог прожить в Италии несколько месяцев, не экономя на каждом евро, снять хорошее жильё, путешествовать между городами, есть то, что хотелось, пользоваться транспортом, платить за помощь, если она потребуется.

И не возвращаться.

Эта мысль пришла тихо, почти буднично, без слёз и без внутренней драмы, как приходит решение математической задачи, когда все неизвестные наконец становятся известными.

Павел долго смотрел на цифры. Он вдруг понял, что впервые в жизни у него появился не просто ответ на вопрос «как уехать?», а совершенно конкретная возможность закончить всё там, где никто не знает его, где нет больничных коридоров, нет сочувствующих взглядов, нет людей, которые помнят его мальчиком, бегавшим по двору, а потом видели, как он оказался в коляске.

Можно было просто уехать. Не возвращаться. И почему-то именно эта мысль принесла ему спокойствие. Не счастье, не надежду, не страх – спокойствие.

Павел не воспринимал её как трагедию. В его голове это постепенно превращалось в ещё один проект, который можно было разложить на этапы, просчитать, подготовить и однажды довести до конца. Его писательский ум, привыкший строить сюжетные линии, мгновенно подхватил эту мысль и начал выстраивать её дальше, но он не позволял себе задерживаться на подробностях, потому что главное уже было понятно: у него появился путь, по которому можно уйти.

И странным образом именно в этот момент Маша стала интересовать его всё сильнее.

Сначала она была для него источником информации об Италии, человеком, который много путешествовал и мог рассказать то, чего не найдёшь в путеводителях, потом удивительным собеседником, с которым можно спорить о литературе, психологии, человеческих поступках, а теперь Павел всё чаще ловил себя на том, что задаёт ей вопросы, не имеющие никакого отношения к книгам. Что она любит? Чего боится? Почему вообще продолжает ему отвечать? Что она делает, когда ей плохо? Какие люди ей нравятся?

Он иногда перечитывал собственное сообщение перед отправкой и удивлялся самому себе, потому что ещё месяц назад никогда бы не задал незнакомому человеку таких вопросов.

Но Маша тоже спрашивала. И некоторые её вопросы заставляли его замолкать над экраном на несколько минут, потому что ответ на них приходилось искать не в памяти, не в книгах и не в интернете, а где-то внутри себя, куда он давно перестал заглядывать.

Однажды она написала:

– Что бы вы сделали, если бы завтра могли встать и пойти куда угодно по шкале времени? Куда бы вы ушли?

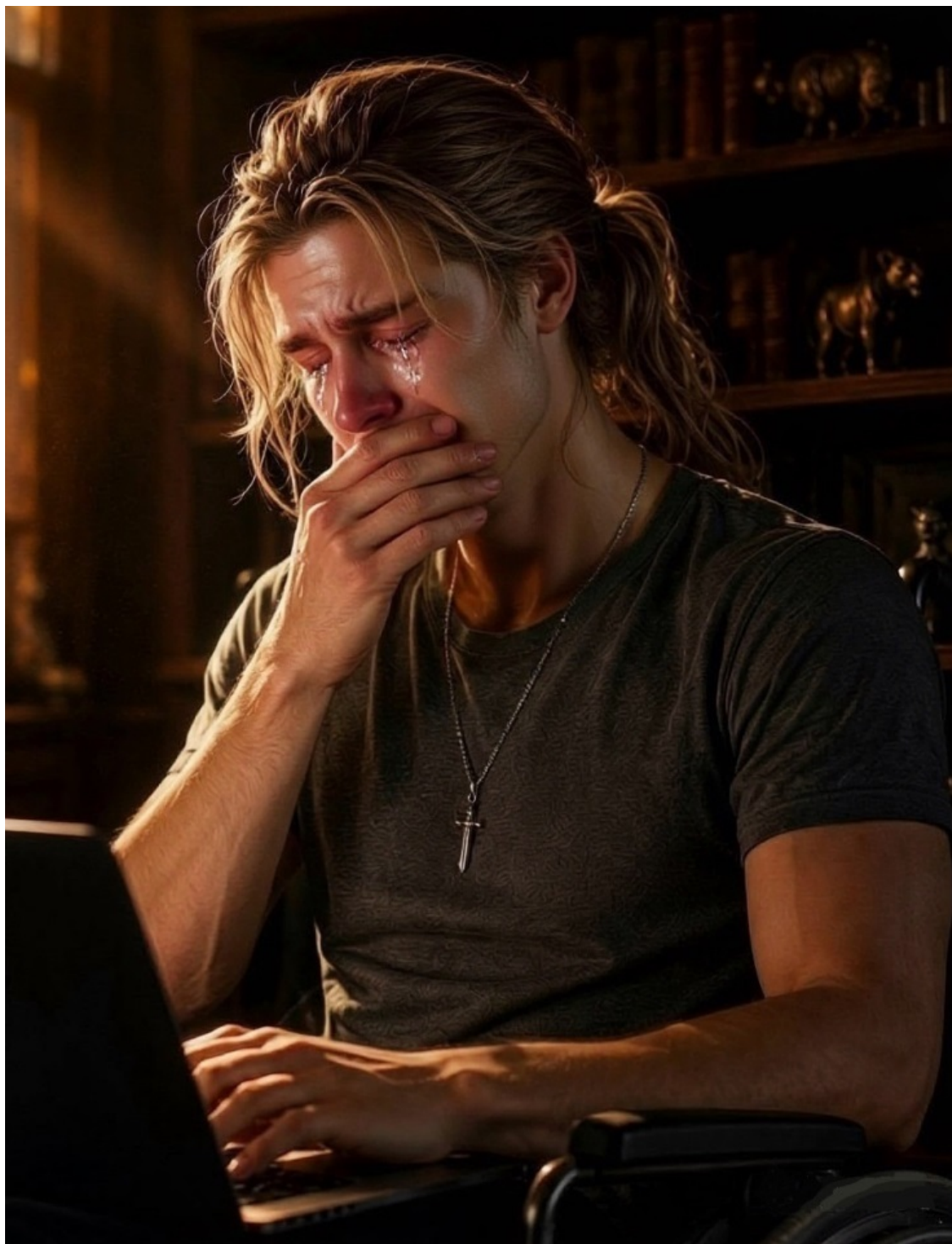
Он сначала улыбнулся, потому что вопрос показался ему красивым, почти детским, из тех, которые задают не для того, чтобы получить правильный ответ, а чтобы посмотреть, куда человек уходит внутри себя, когда ему наконец разрешают невозможное. Потом улыбка исчезла. Он положил руки на стол и долго смотрел на экран. Ответ пришёл так быстро, что Павел даже не успел подумать. В будущее он не хотел. Ни на десять лет вперёд, ни на двадцать. Он не видел себя там.

Будущее давно перестало существовать в его воображении. Когда-то он умел представлять его до мельчайших деталей: города, в которых побывает, книги, которые напишет, родителей, которых однажды отвезёт на самый красивый закат в мире. Потом случился тот день, и будущее оборвалось, а всё, что появилось после него, он уже не строил, а просто проживал. День за днём. Год за годом.

Павел вдруг с болезненной ясностью понял, что хочет в прошлое, до 17 февраля того года, в какой-нибудь совершенно обычный вечер, когда ещё ничего не произошло. Чтобы открыть дверь квартиры и услышать мамин голос из кухни:

– Паш, руки помой.

Чтобы крикнуть ей в ответ:

– Сейчас!

И услышать, как отец усмехнётся:

– Вот это «сейчас» мы уже минут двадцать слушаем.

Он хотел войти ногами на кухню. Сесть так, как садился тысячи раз, даже не замечая, что у него есть ноги. Потянуться за хлебом. Случайно задеть отца плечом. Услышать, как мама ругается, что они опять оставили кружки на столе. И чтобы никто не понимал, какое это счастье. Никто. Ни мама. Ни отец. Павел не сразу понял, почему экран расплывается. Потом слеза упала на клавиатуру. Он застыл, глядя на неё, и только тогда понял, что плачет. Тихо. Без звука. Слёзы шли сами, одна за другой, и Павел даже не пытался их остановить, потому что

вдруг почувствовал, как внутри него поднимается такая старая, такая огромная боль, что он уже не мог понять, где она начинается.

Он плакал о том, что больше никогда не сможет войти в квартиру и услышать голос матери из кухни. Никогда не сыграет с отцом ещё одну партию, пока «статья не остыла». Никогда не услышит:

– Твой раунд, Пашка. Но завтра я беру Набокова.

Отец умер. Мама умерла. И вся та жизнь, которую он тогда, в пятнадцать лет, считал просто жизнью, не замечая её, не ценя, иногда даже раздражаясь на неё, исчезла вместе с ними. Он никогда больше не сможет вернуться в один обычный вечер. Никогда не обнимет мать. Не скажет отцу, что любит его. Не отвезёт их смотреть самый красивый закат в мире.

И от этой мысли Павел закрыл лицо руками. Ему вдруг стало так больно, словно он снова оказался в том возрасте, когда ещё не научился терпеть. Когда можно было просто позвать:

– *Мама.*

И мама пришла бы.

Он плакал долго.

А потом, когда слёзы закончились и перед глазами снова стал виден экран, вытер лицо ладонью, несколько секунд смотрел на вопрос Маши и написал:

– В прошлое. Туда, где меня ещё ждут родители.

Он перечитал сообщение. Нажал «отправить».

А потом ещё долго сидел неподвижно, глядя на экран, будто вместе с этими несколькими словами отправил Маше что-то гораздо большее, чем сам хотел ей показать.

Однажды Маша написала:

– Вы так много знаете о местах, в которых никогда не были.

Павел замер. Несколько секунд смотрел на сообщение, потом ответил коротко, почти защищаясь:

– Есть интернет.

Ответ пришёл почти сразу:

– Нет. Интернетом так не пишут.

Он перечитал. Эти несколько слов задели его сильнее, чем все похвалы, которые он получал за свои книги. Маша начинала видеть его. Не автора с сотнями тысяч читателей, не человека, который умеет красиво описывать чужие города, не собеседника, способного часами спорить о литературе и психологии, а его самого. Человека, который никогда не был ни в Риме, ни в Сиене, ни в Венеции, но каким-то образом знает, как может пахнуть нагретый солнцем камень, как звучит пустая площадь ранним утром, как ветер проходит между старых домов и приносит запах моря.

Он сам не понимал, откуда всё это знает. Наверное, из книг, фильмов, фотографий, чужих рассказов, из той странной способности воображения, которая иногда позволяла ему построить в голове целый мир, не имея возможности сделать даже несколько шагов по собственной комнате. Но никто никогда не говорил ему, что это видно. Никто не замечал. Она заметила.

Павел не знал, что на это ответить, потому что впервые почувствовал: человек по ту сторону экрана смотрит не на то, что он показывает. Он не был уверен, что готов к тому, чтобы его увидели.

В мае Павел обратился к риелтору и выставил квартиру на продажу. Сделал это спокойно, почти деловито, словно продавал не единственное место, которое оставалось ему домом, а вещь, которой просто перестал пользоваться.

И именно тогда снова возник разговор о встрече. Маша написала легко, почти между делом:

– Если будете когда-нибудь в Москве, дайте знать.

Павел прочитал сообщение и не ответил. Он долго смотрел на эти несколько слов, а потом впервые по-настоящему представил её напротив себя, и тогда он понял, чего на самом деле боялся всё это время. Её взгляда.

Он мог сколько угодно писать умные письма, спорить, шутить, рассказывать о книгах, строить из слов человека, которым хотел казаться, но всё это заканчивалось там, где начиналось его тело. Она увидит коляску и неподвижные ноги. Тело, которое не слушается. Может быть, сначала удивится, а потом испугается и обязательно постарается скрыть это. Потом начнёт жалеть. А потом ей захочется уйти. Павел закрыл глаза.

Почему-то именно эта последовательность казалась ему совершенно очевидной. И всё же он страстно хотел увидеть её. Даже если цена этого желания будет слишком высокой.

Наверное, он впервые понял это именно тогда: сам он никогда не решится оборвать переписку. Не сможет однажды написать ей «больше не будем общаться», потому что слишком сильно привык к её присутствию, к её вопросам, к этим длинным сообщениям, которые иногда приходили поздно вечером и заставляли его улыбаться.

Но если она увидит его, всё будет гораздо проще. Он примет это. Даже будет благодарен.

Тогда всё закончится естественно. Он представлял её взгляд и почти физически чувствовал, в её глазах: страх, испуг, брезгливость, жалость. То самое короткое мгновение, когда человек понимает, что перед ним не тот мужчина, которого он успел придумать в своей голове.

А потом желание поскорее закончить встречу. Павел сглотнул.

«Всё правильно. Так будет лучше».

Он снова посмотрел на экран.

«Я оборву эту зависимость и спокойно уеду. Потому что терять мне нечего».

И всё же где-то глубоко внутри он знал, что лжёт самому себе. Ему было что терять. За последние месяцы у него впервые появилось то, чего не было уже много лет: человек, которого он ждал.

Именно поэтому он хотел увидеть её ещё сильнее. Хотел один раз получить ответ на вопрос, который не решался задать прямо: *что ты почувствуешь, когда увидишь меня настоящего?*

И чем больше он об этом думал, тем сильнее в нём крепло желание не спрятаться от боли, а наоборот, пройти через неё до конца, почувствовать всё, что только сможет почувствовать человек, прежде чем окончательно закрыть за собой дверь.

Он выложил двенадцатую главу, зная, что через полчаса, в почте увидит письмо Маши. Она быстро читала и сразу реагировала на размещение. Так и случилось. Они начали с обсуждения поступка героя, его желания, которое тот озвучил в главе. И вдруг Маша спросила:

– А что вы хотите испытать в жизни?

Павел посмотрел на экран и долго не отвечал. Потом написал:

– Весь спектр эмоций.

Она не поняла.

– Каких?

Павел задумался. Он мог бы назвать: любовь, радость, счастье. Но написал другое:

– Страх. Стыд. Позор. Пренебрежение. Брезгливость. Жалость, если она будет.

Несколько секунд сообщение оставалось непрочитанным. Потом появилась надпись: «Печатает...» Она исчезла. Снова появилась. Наконец пришло:

– Зачем?

Павел долго смотрел на это слово. А потом написал то, что уже давно зрело внутри него и чего он сам до конца ещё не понимал:

– Чтобы больше ничего не бояться.

Он не просто хотел увидеть девушку, с которой говорил последние два месяца. Он ставил себя перед последним испытанием, хотел увидеть настоящую реакцию человека, который до сих пор знал его только по словам, и после этого уже ни от чего не зависеть, понять, как выдержит удар и что будет делать потом. Один.

Павел долго смотрел на пустое поле для сообщения. Пальцы слегка дрожали над клавиатурой, в груди было тесно от странного, острого ощущения, будто он действительно стоял на самом краю и ещё мог отступить, пока не сделал последний шаг. Он начал писать, стёр всё, посидел неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию, и снова начал:

– Мария, я хочу предложить вам одну вещь. Если вам будет неловко, просто скажите, и мы сделаем вид, что этого сообщения не было.

Он отправил и замер. Ответ пришёл сразу.

– Поверите ли, только села вам писать, и вдруг письмо от вас! С интригой! Конечно. Очень интересно, что вы имеете в виду.

Павел сглотнул. Ладони стали влажными.

– Мы переписываемся уже два месяца. И я... очень хотел бы вас увидеть. Не на экране, по-настоящему. Но я почти не выхожу из дома, мне сложно. Поэтому я могу пригласить вас только к себе.

Он замолчал, чувствуя, как сильно колотится сердце, потом добавил:

– Я понимаю, как это звучит. Незнакомый мужчина, дом... Если вам хоть на секунду будет некомфортно от этого предложения, я буду искать другой вариант. Или мы просто не будем встречаться. Я не хочу вас пугать.

Пауза оказалась долгой. Павел откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Ему казалось, что он слышит собственную кровь, тяжело и гулко ударяющуюся о виски. Наконец пришло:

– Вы хотите, чтобы я пришла?

Он почти физически ощутил тепло, разлившееся под рёбрами.

– Да. Очень.

Несколько секунд ничего не происходило, потом появилась надпись: «Печатает...» Она исчезла. Снова появилась и наконец пришло:

– Я тоже хочу вас увидеть. Просто... это немного неожиданно. Я никогда не ходила в гости к человеку, с которым знакома только по переписке.

Павел кивнул сам себе, хотя она не могла этого видеть. Руки похолодели.

– Я понимаю. Полностью. Можете взять с собой кого угодно. Или мы сначала созвонимся по видеосвязи, чтобы вы увидели, кто я такой. Как вам будет спокойнее.

Маша долго смотрела на это сообщение. В нём не было ни попытки уговорить, ни обиды, ни даже скрытого ожидания, что она обязана согласиться. Только уважение к её страху и какое-то удивительно спокойное тепло, которое почему-то заставило её улыбнуться.

– Ну что вы, Павел. Видео не нужно. Я почему-то вам доверяю. Наверное, потому что за два месяца вы ни разу не сделали ничего лишнего. И сейчас говорите очень осторожно.

Павел задержал дыхание. Он перечитал сообщение дважды.

– Я приеду, – написала она. – Напишите адрес, дату и время. Я могу в любой день недели, работаю удалённо.

Он отправил адрес и предложил среду, пять часов вечера. Маша согласилась почти сразу. Потом появилась ещё одна строчка:

– И... я немного поволнуюсь.

Павел улыбнулся. Впервые за весь вечер по-настоящему, тихо, почти по-мальчишески.

– Я тоже очень волнуюсь.

Он отложил телефон и прижал ладонь к груди. Сердце колотилось так сильно, будто действительно пыталось вырваться наружу, а внутри одновременно смешалось всё, чего он так

долго ждал и чего боялся: страх, стыд, надежда, предчувствие боли и ещё что-то совсем другое, тёплое, живое, почти забытое. Он посмотрел на экран ещё раз.

«Среда. Пять часов. Она придет».

И вдруг понял, что впервые за много лет у него появилось будущее, которое измерялось не месяцами и не годами, не тем, сколько ещё он сможет выдерживать свою жизнь, а совершенно конкретным днём, часом и одним человеком, которого он будет ждать. Он хотел написать Маше что-нибудь ещё, но не стал, потому что уже отправил ей гораздо больше, чем собирался показать. Он отправил ей своё доверие. И, сам того ещё не понимая, впервые за два года – своё завтра.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.